

В ПАМЯТЬ О КОЛЛЕГАХ

Научно-просветительское общество в форме клуба "Краевед"
Дальневосточной государственной научной библиотеки

Литература об авторе:

1. Георгий Георгиевич Пермяков : [писатель, краевед, почёт. член Приамур. геогр. о-ва : некролог] // Тихоокеан. звезда. – 2005. – 13 дек. – С. 4 : фот.
2. Из редкой породы : [подборка ст. о писателе и краеведе Г.Г. Пермякове, г. Хабаровск] // Дальневост. учёный (Владивосток). – 2006. – № 3 (февр.). – С. 9. – Из содерж.: Последняя беседа / В. Буря ; Мой учитель / А. Бир ; Из редкой породы / В. Ремизовский.
3. Климович, О. Переводчик, краевед, писатель Георгий Пермяков. 1917–2005 / О. Климович // Время ДВ. – 2014. – № 21 (нояб.). – С. 8: фот.
4. Король, И. О жизни китайского бога : [о воен. переводчике, писателе, краеведе Г. Пермякове] / И. Король // Лучшее в Хабаровске. – 2015. – № 1. – С. 48–51.
5. Пермяков, Г.Г. Георгий Пермяков, человек-легенда : [беседа с Г. Г. Пермяковым, дальневост. краеведом, писателем-фантастом, авт. детективов, синологом и японистом о жизни и деятельности] / Г.Г. Пермяков ; зап. В. Буря // Хабар. экспресс. – 2006. – № 1 (янв.).
6. Пермяков, Г.Г. Голгофа русича : [Крат. автобиогр. хабар. писателя и переводчика] / Г.Г. Пермяков ; Г.Г. Пермяков // Дальневост. учен. (Владивосток). – 2003. – № 21 (нояб.). – С. 8.
7. Ремизовский В.И. Г.Г. Пермяков : [к 85-летию со дня рождения краеведа, арсеньеведа, писателя-фантаста. 1917–2002: Справка и список лит.] / В.И. Ремизовский // Время и события: указ.-календарь по Дал. Востоку на 2002 г. – Хабаровск, 2001. – С. 160–161.
8. Сумская, А.Г. Дневник императора : [о семейной коллекции прозаика, краеведа, переводчика с кит и яп. яз. Г.Г. Пермякова (1917–2005): воспоминания об отце] / А.Г. Сумская ; коммент. дочери Г.Г. Пермякова А.Г. Сумской подгот. Я. Кузина // Словесница искусств. – 2014. – № 2 (34). – С. 53–60 : фот.
9. Усольцев, В. Мужество до последнего мгновения : [о Г.Г. Пермякове, дальневост. писателе, переводчике и краеведе] / В. Усольцев // Хабар. вести. – 2006. – 17 янв. – С. 8.
10. Черняева, Н. Прикосновение руки Люцифера : [о заседаниях Хабар. воен. суда над яп. воен. врачами и чиновниками в 1949 г. и воспоминания переводчика Г.Г. Пермякова] / Н. Черняева, М. Колесников, А. Светлов // Приамур. ведомости. – 2006. – 17 авг. – С. 6.

Литература об авторе:

1. Анзин, В. «Военные деньги». Были и такие : [денеж. знаки на Дал. Востоке в 1922–1924 гг. из коллекции В.В. Чекунаева] / В. Анзин // Сувор. натиск. – 1997. – 22 февр. – С. 5.
2. Буря, В.П. Он любил эту жизнь : [о В.В. Чекунаеве, майоре мед. службы, коллекционере, зав. секцией бонистики Хабар. общества нумизматов, соавт. кн. «Боны Дальнего Востока»] / В.П. Буря // Хабар. экспресс. – 2005. – № 50 (дек.). – С. 5.
3. Вежновец, А.Ф. Владимир Викторович Чекунаев : [о коллекционере; знатоке денежных знаков, краеведе В.В. Чекунаеве, г. Хабаровск] / А.Ф. Вежновец // Вежновец А.Ф. Берега. – Хабаровск, 2011. – С. 90–92.
4. Владина, Т. Козлобабсы : [о част. коллекции В. Чекунаева денеж. знаков 90-х гг. XX в.] / Т. Владина // Амур. меридиан (Хабаровск). – 2005. – № 23 (июнь). – С. 11.
5. Владина, Т. Охотник за банкнотами : [о коллекционере-бонисте В.В. Чекунаеве, г. Хабаровск] / Т. Владина // Амур. меридиан (Хабаровск). – 2005. – № 4 (янв.). – С. 9.
6. Глухов, С. Первая жертва китайской отравы? : [о В.В. Чекунаеве, коллекционере, военном эпидемиологе, авторе статей по нумизматике, умер 5 дек. 2005 г.] / С. Глухов // Хабар. экспресс. – 2005. – № 50 (дек.). – С. 1, 3.
7. Егошина, Г. Знак судьбы : [о враче и коллекционере-бонисте В.В. Чекунаеве] / Г. Егошина // Словесница искусств. – Хабаровск, 2006. – Вып. 17. – С. 98: фот.
8. Радецкий, Б. Храните деньги не в банке, а в... музее : [Об экспозиции денеж. знаков хабар. коллекционера В. Чекунаева в Музее денеж. знаков и эмиссий в Дальневост. гос. акад. экономики и права] / Б. Радецкий // Приамур. ведомости. – 2003. – 23 янв. – С. 13.
9. Рахилин, В.К. Хабаровские чеки : [О попытке коллекционера В.В. Чекунаева систематизировать чеки, вып. Хабар. отд-нием гос. банка и др. финансовыми орг. региона в 1918 г.] / В.К. Рахилин // Нумизмат. альманах. – 2001. – № 3. – С. 30–32.
10. Чернявский, А. Бонист Чекунаев и его коллекция : [О хабар. бонисте и нумизмате В.В. Чекунаеве] / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. – 1998. – 16 мая. – С. 3.

1. Дальний, С. (Колосов, Л.И.) Сушил на радуге туман : [сборник стихов, очерков, рассказов] / Сергей Дальний. – Хабаровск : [б. и.], 2003. – 88 с.
2. Колосов, Л.И. Автономное денежное обращение в Харбине (1903–1924 гг.) / В.В. Чекунаев, Л.И. Колосов // Дальний Восток России Северо-Восток Китая : исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества – Хабаровск, 1998. – С. 137–140.
3. Колосов, Л.И. Акцептованные чеки Хабаровского отделения государственного банка в денежном обращении края : (1918 г.) / В.В. Чекунаев, Л.И. Колосов // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: материалы Вторых Гродековских чтений, 29–30 апр. 1999 г. – Хабаровск, 1999. – С. 108–109.
4. Колосов, Л.И. Боны Дальнего Востока 1917–1922 гг. : каталог с иллюстрациями / Л.И. Колосов, Н.Д. Наволочкин, В.В. Чекунаев ; Хабар. краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова. – Хабаровск : Хабар. краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2002. – 148 с. : ил.
5. Колосов, Л. Выьем, добрая подружка! : [о своей коллекции этикеток] / Л. Колосов // Молодой дальневосточник. – 2004. – № 17 (апр.). – С. 19.
6. Колосов, Л.И. Кербинские деньги 1920 г. / Л.И. Колосов // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: материалы регион. науч.-практ. конф., Хабаровск, 4–5 окт. 2001 г. – Хабаровск, 2001. – Ч. 1. – С. 105–108. – (Третьи Гродековские чтения). – Библиогр.: с. 108 (6 назв.).
7. Колосов, Л.И. Эмиссия военных денежных знаков для Дальнего Востока / Л.И. Колосов, В.П. Буря // Ветераны финансовых органов Хабаровского края : история в документах и судьбах. – Хабаровск, 2005. – С. 72–74.
8. Леонид Иванович Колосов: [некролог] // Тихоокеан. звезда. – 2005. – 2 июня.
9. Чернявский, А. Тетрадь коллекционера: [о хабаровском коллекционере Л.И. Колосове] / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. – 1998. – 19 дек.
10. Чернявский, А. Дружили три бониста : [Л.И. Колосов, Н.Д. Наволочкин, В.В. Чекунаев] / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. – 2015. – 6 нояб.

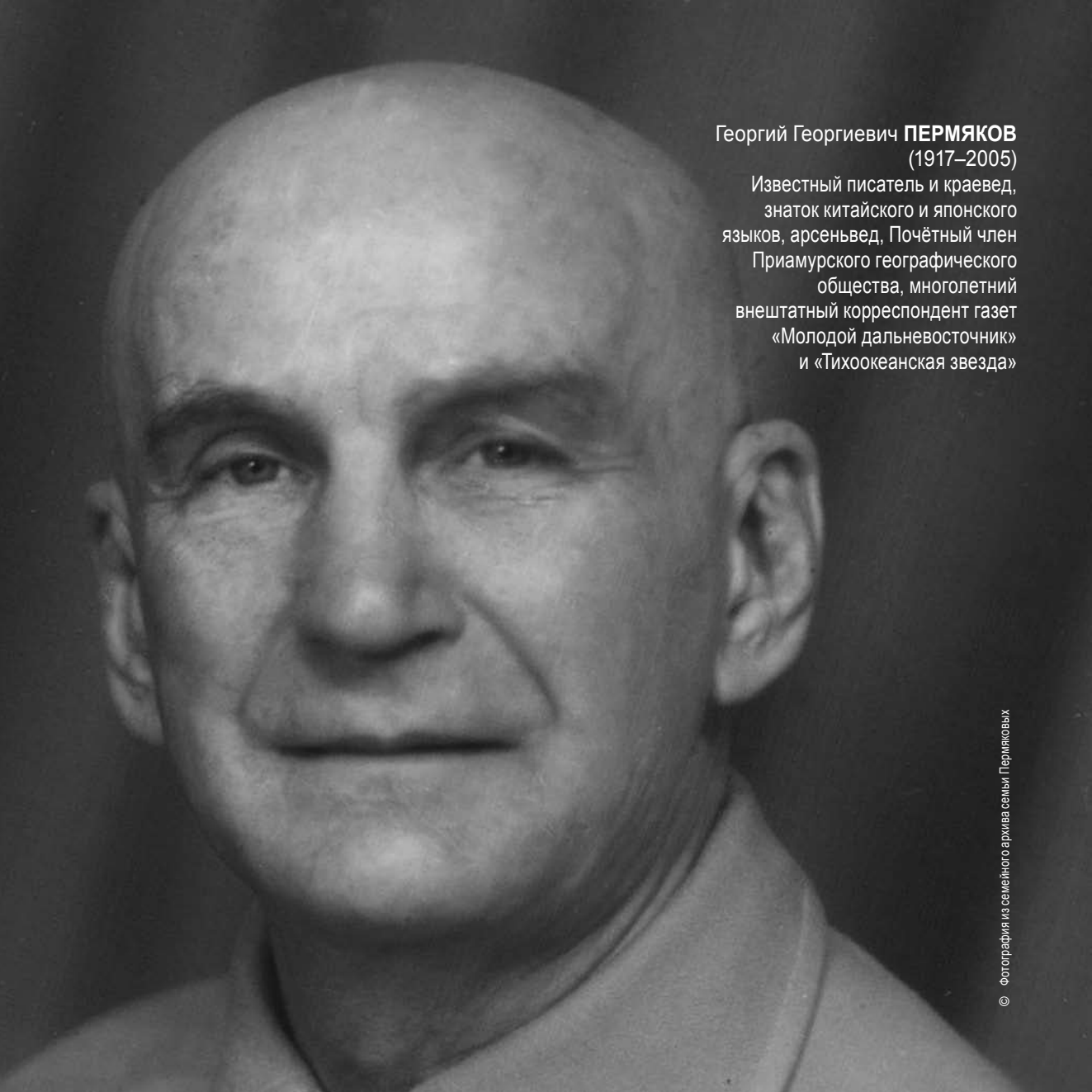
Клуб «Краевед» Дальневосточной государственной научной библиотеки существует уже 18 лет. Библиотека стала для краеведов Хабаровска тем местом, где встречаются настоящие энтузиасты краеведения, люди неравнодушные к прошлому, настоящему и будущему своего города, края и всего Дальнего Востока. Клуб объединяет людей самых разных профессий. Здесь собираются не только историки, архивисты, работники музеев, профессионально занимающиеся краеведческой деятельностью. Геолог и геодезист, музыковед и книгоиздатель, архитектор и военнослужащий, преподаватель ВУЗа и сотрудник туристической фирмы – все они постоянные члены клуба «Краевед», все объединены любовью к краеведению, ставшему потребностью их души.

Каждый из них – непререкаемый авторитет в своей области, готовый поделиться своими знаниями с каждым заинтересованным будь то профессионалом или краевед-любитель. Именно такие люди стояли у истоков нашего клуба. Сейчас в его ряды влились новые участники краеведческого движения, такие же увлечённые хранители памяти. А мы с любовью вспоминаем ушедших от нас навсегда старейших членов клуба: почётному гражданину Востока; влюблённого в библиотеку и краеведение доктора геолого-минералогических наук Леонида Пантелеймоновича Карсакова; жизнелюба и оптимиста, автора книг и многочисленных публикаций, ветерана Великой Отечественной войны Владимира Фёдоровича Даниленко; увлечённого историей края, знатока Хабаровска Юрия Николаевича Старцева; неумоимого коллекционера, кулинара, всегда готового поддержать и развлечь весёлым анекдотом Владимира Викторовича Чекунаева и его друга очень скромного, но тонкого знатока дальневосточной природы Леонида Ивановича Колосова. Нет уже великого труженика и краеведа Владимира Николаевича Вольхина. Ушли после тяжёлой болезни наша харбиночка Ирина Степановна Лобода, старейшего защитника уникальной природы Приамурья Валентина Степановича Панарина и знатока трагических судеб дальневосточных геологов Виктора Ивановича Ремизовского... Уходя в вечность они оставили нам свои книги, статьи, сохранили для истории уникальные документы и фотографии. Они живы в памяти друзей-краеведов, исследователей, которые продолжают их поиски и исследования.

В 2015 году исполнилось 10 лет как ушли из жизни такие неумоимые энтузиасты краеведческого дела как Г.Г. Пермяков, В.В. Чекунаев и Л.И. Колосов.

Георгий Георгиевич Пермяков – писатель, знаток и преподаватель китайского и японского языков не будучи членом клуба, был истинным краеведом, с которым многие хабаровские знатоки истории поддерживали тесную связь. Мы помним встречи в стенах библиотеки на грандиозных вечерах, где Георгий Георгиевич царил и заводил публику рассказами о своей жизни в Маньчжурии, встречах с последним императором Китая.

Памяти этого человека, а также Владимира Викторовича Чекунаева – военного врача, страстного коллекционера-бониста и его коллеги-коллекционера Леонида Ивановича Колосова – инженера-кораблестроителя и страстного грибника, знавшего о дальневосточных грибах не меньше учёных-микологов – посвящается эта книга.

A black and white portrait of Georgiy Georgiyevich Permyakov, an elderly man with a balding head and a slight smile. He is wearing a light-colored, high-collared shirt. The background is dark and out of focus.

Георгий Георгиевич **ПЕРМЯКОВ**
(1917–2005)

Известный писатель и краевед,
знаток китайского и японского
языков, арсеньевед, Почётный член
Приамурского географического
общества, многолетний
внештатный корреспондент газет
«Молодой дальневосточник»
и «Тихоокеанская звезда»

ДИВЕРСИЯ

Георгий ПЕРМЯКОВ

«НЕКИЙ ЯПОНСКИЙ БАКТЕРИОЛОГ ГОТОВИТ СОВЕТСКОЙ СТОРОНЕ БОЛЬШОЙ УЩЕРБ. МЕСТО, ВРЕМЯ И ИМЯ БАКТЕРИОЛОГА МНЕ НЕИЗВЕСТНЫ. Друг России».

Где подбросили анонимку? — спросил генерал, не отрывая глаз от записки.

— Её затолкали в щель между косяком и дверью моего кабинета. Завтра эвакуация военных преступников в Китай. Везём 1000 человек. Японцы знают о выезде, но не ведают, куда их везут. Поэтому обстановка в лагере очень тревожна. Я принял особые меры охраны.

— А если это провокация? — строго спросил генерал и внимательно посмотрел на собеседника.

Майор отрицательно покачал головой.

— За эти пять лет я не помню случая, — сказал он, — чтобы японцы в лагере писали анонимки. В этом году мы трижды находили у пленных засекреченное оружие. У капитана Асада во фляжке нашли замаскированный

Газета «Правда» летом 1950 года писала, что СССР передал Китаю 1002 военных преступника, главным образом бактериологов. Автор документального рассказа «Диверсия», тогда сотрудник МВД СССР, сопровождал эти эшелоны.

пистолет. У полковника Морита в авторучке оказались штаммы, то есть семена засушенных микробов.

— Но могли ли эфемерные бактерии остаться живыми за эти пять лет?

На лице майора появилось лукавое выражение. Оно говорило, что тот ожидал этого вопроса и подготовил авторитетный ответ.

— Я только что был в мединституте у профессора Ливкиной. Она говорит, что высушенные в ледяном вакууме микробы острозаразных болезней живут многие десятки лет. Такие бактерии можно хранить в чем угодно. Стоит потом рассеять эти бактерии — и возникнет страшная эпидемия.

Предусмотрительность майора понравилась генералу. Не девушка же!

— Вы думали об экспертизе почерка? — осведомился он у подчинённого.

— Письмо сфотографировано. Переводчики Цвиров и Пахомов ищут его автора по почерку. Но до эвакуации остались сутки. Вряд ли удастся проверить руку всех семисот человек нашего лагеря.

— Какую диверсию вы ожидаете?

— Боюсь, что озлобленный самурай выбросит микробы в густонаселённом пункте...

На другой день из Хабаровска вышли два поезда — каждый из двадцати спальных вагонов. В них находились японские военнопленные — бывшие диверсанты, жандармы-полицаи, разведчики. Но больше всего было бактериологов — преступников из секретного 731 отряда Квантунской армии.

Июньское солнце жарко нагрело тяжёлые зелёные вагоны. В каждом тамбуре стоял с автоматом часовой — бдительный, молчаливый и мокрый от невыносимой жары. Внутри вагонов ходили часовые без оружия.

Японцы держались спокойно. Они лежали на матрацах, покрытых свежими простынями; сидели у окон, скрестив перед собой ноги; неслышно, как тени, передвигались по узкому проходу между полок, негромко разговаривали. За годы плена японцы привыкли к охране и, казалось, не замечали часовых. Окна были закрыты, и от этого сухая невыносимая духота угнетала людей.

В вагоне, где только что занял пост рослый солдат Фролов, было особенно жарко. По лицу часового струилась обильная влага. Его гимнастерка была мокрой на спине. Изнемая от застойной духоты вагона, пропахшего табаком, карболкой и человеческим потом, Фролов стоял у двери узкого тамбура и смотрел вдоль коридора.

Разные вещи занимали сейчас мысли Николая Фролова; то вспоминались большие карие глаза и белоснежная кожа Нонны

— девушки, которую он недавно встретил в техникуме связи; то содержание интересного «Поединка» Куприна, который он вчера закончил читать; то слова начальника конвоя о повышенном внимании к пленным. «Вы везёте закоренелых преступников, людей, ещё недавно враждебных нашей стране, людей с извращённым отношением к человеку, — вспоминал он слова капитана Шкурова. — С их стороны ожидается диверсия. Будьте очень бдительны...».

Поезд стал поворачивать. Николая прижало к стене, и, опомнившись, он вернулся мыслями к охраняемому. В открытых купе и на боковых местах сидели, лежали и стояли японцы — поручики, капитаны, майоры, полковники; врачи, физиологи, доктора наук, бактериологи, профессора; диверсанты-подрывники, диверсанты-отравители, начальники разведотделов и других заплечных дел мастера.

Около самого тамбура маленький пожилой благообразный японец в одном полотенце вместо трусов строгал ножом кусок дерева. Николай знал, что это врач-окулист. В захваченной японцами Маньчжурии он для опыта вырезал глаза у живых китайцев-партизан, ослепив несколько десятков людей. Над ним, облокотившись о подушку и подперев ладонью голову, читал русскую книгу красивый, сильно загоревший японец, похожий на испанца. На соседней полке лежал на животе и по-детски болтал ногами майор японской разведки. В следующем отделении неуклюжий и будто вытесанный из дубового пня врач-физиолог лепил лошадь из черного хлеба.

Это был Саката. Доктор Саката служил в секретном 731 отряде, где изучал средства от обморожения и имел десятки подопытных китайцев. Зимой он выводил людей на холод и, заморозив им одну или несколько конечностей, начинал лечение. Когда конечность загнивала, он отрезал её и дальше замораживал культю. Затем снова лечил и снова отрезал, пока от человека не оставалось одно туловище.

За ним сидел японец, широкий и рыхлый, как квашня с тестом. Прикусив отвисшую нижнюю губу, он рисовал цветными карандашами горный пейзаж. При виде рослого часового японец вежливо улыбнулся, не разжимая губ. Это был доктор биологических наук, полковник Госава. Николай знал, что Госава вывел всеуничтожающую чумную бациллу, умертвив для этого сотни китайцев; что ни один человек, заразившийся этой сверхбациллой, не жил более двух дней.

Медленно и бесшумно Николай переходил от одного купе к другому. Японцы не обращали на него внимания. Лишь изредка кто-нибудь говорил: «Джарко» («жарко») и усиленно обмахивался мокрой от жары рукой. Николаю порой казалось, что он невидим для пленных, будто на нём шапка-невидимка.

Но едва он поворачивался к японцам спиной, как пленные переставали читать и лепить, бросали писать и рисовать и, словно щелкая затворами фотоаппаратов, бросали на Николая неприязненные взгляды. Их натренированные в специальных школах глаза-объективы запоминали часового до мельчай-

ших деталей: высокий рост, голубые глаза, светлые волосы, пухлые детские губы и шрам на правом указательном пальце.

Время шло. Николай все больше задумывался: кто из этих безобидных на вид людей готовит диверсию? И в его ли вагоне человек, замысливший ужасную месть русским.

Вдруг пленный, стоявший у окна, достал из кармана плоские воронёные часы. И Николай подозрительно посмотрел на японца. Он знал, что в часах можно скрытно хранить яд и микробы.

Каждый небольшой предмет, замеченный Николаем у пленных, вызывал у него острое, почти болезненное подозрение. Он забыл про жару, не чувствовал щекочущих кожу солёных капель, сползавших со лба. Его губы были сжаты, а взгляд сосредоточен. Бесшумно и легко десятиборец Николай ходил по вагону, запоминая, у кого из японцев есть вечные ручки, увеличительные стёкла, брелоки и авто-карандаши; у кого золотые зубы и очки в тяжёлой оправе. Юноша понимал, что не каждый самурай — враг и не в каждой личной вещи — яд и бациллы.

Из головы Николая не выходил маленький доктор, вырезавший глаза у людей. Он сидел на прежнем месте и с прежним бесстрашием вырезал деревья фантастическую рыбу. «Почему в руках этого преступника нож»? — подумал Николай. Его мысли перебил резкий металлический звук, раздавшийся в конце вагона: кто-то открывал замок тамбура. Это был начальник конвоя, капитан Шкуров. Он остановился около Николая и сразу заметил

нож в руках японца. Окулист широко улыбнулся офицеру, и, шутя ударив себя по животу, сказал:

— Харакири.

Сидевший в купе японец бросил вязать сеть из мотка белых ниток и заговорил по-русски с сильным акцентом:

— Харакири дерать, надо чистый кимоно, острый нож и хороший друг. Такой друг японцу зовёт «кайшяку-нин».

Капитан Шкуров вежливо повернулся в сторону говорившего.

— Самурай, — вдруг резко повысив голос, продолжал японец, — берёт кинжар, поворачивает на живот, — с этими словами японец взял карандаш и показал, как острие ножа направляется в живот. — Потом японцу думает про император Тэнно, про семья... — и японец, неожиданно издав пронзительное шипение, со всего размаха ударил себя карандашом по животу.

Затем пленный показал, как самоубийца вспарывает себе живот от печени до ребра, как, вытащив нож, бьёт им себя в горло, и как «кайшяку-нин» рубит затем мечом по шее товарища.

Николаю стало неприятно, и он медленно пошёл к тамбуру. Солнце склонялось к западу. Всё сильнее томила изнурительная духота. На каждой остановке поезда ему хотелось выскочить на платформу, подбежать к паровозной водяной колонке, повернуть колесо и обдать себя ледяной водой. Но до смены оставалось два часа, и Николай продолжал осторожно наблюдать за пленными.

Все японцы были кареглазы. У одних глаза казались светлее, у других — темнее. У некоторых пленных, особенно у пожилых, по радужнице шли серые или зелёные искры. У всех глаза были жестоки, холодны и непроницаемы, будто их отлили из злого коричневого агата.

Курили японцы не по-русски. Они осматривали папиросу со всех сторон, заглядывали в мундштук и несколько раз дули в него. Затем они опять крутили папиросу и лишь тогда зажигали спичку. Пышнотелый веснушчатый Госава, спустив на пол короткие, в жирных складках ноги, одинаковые по толщине от колена до щиколотки, с потрясающей быстротой скрутил изящную сигару. «Ловко! — подумал Николай. — И на руки даже не смотрит». Затем бактериолог достал из кармана брюк жёлтый мундштук и вставил в него самодельную сигару. У Николая были глаза ястреба, и он различил в мундштуке чёрные точки. «Бактерии?» — мелькнуло в его голове. Но это были иероглифы.

Вскоре поезд с грохотом понёсся по мосту, и в окне замелькали серые переплёты мостовых ферм.

Николай усилием воли отогнал нелепое подозрение и перешёл в следующее купе. Постояв здесь немного, он повернул обратно. Госава уже курил.

Теперь Николай смотрел на другого пленного — коренастого большегубого и бесстрастного начальника японской разведки Куроки. Перед ним был типичный низкорослый японец. Он что-то быстро писал в тетради.

Тем временем Госава выкурил сигару и розовыми детскими пальцами с тёмными ногтями затолкал окурок в стенную пепельницу. Затем вытер мундштук и бережно, словно реликвию, спрятал его в карман брюк. Теперь Николай не вспоминал о «Поединке» и белолицей Нонне. А в его утомлённом духотой и впечатлениями мозгу роились, прыгали, кружились и носились вихрем цветные карандаши, вставные зубы, перочинные ножи, кольца, вечные ручки, часы, мундштуки. И все они были в микробах. В ушах стоял непрерывный перестук вагонных колёс.

После смены солдат с наслаждением принял холодный душ. Потом ещё нёс службу и вечером. А ранним утром следующего дня Фролова опять направили в тот же вагон. Здесь все было знакомо и утомительно однообразно — запах карболки, дешёвый табачный дым, равномерное дыхание спящих, глухое гортанное бормотанье молитв и смутные тени в углах купе. И монотонное, как осенний дождь, постукивание колёс. Впереди лежал Уссурийск — большой по дальневосточным меркам город. Николай испытывал лёгкое и приятное чувство от утренней прохлады, от того, что впереди город с оживлённой вокзальной суетой, и от того, что в Уссурийске его сменят. Чем ближе к городу, тем не спокойнее чувствовал себя солдат.

Уссурийск — последний крупный населённый пункт на пути пленных в Китай. Там, на вокзале, теснота и давка и, возможно, сотни беззаботных людей. Там южное тепло, в котором микробы растут как дрожжи в духовке.

И через Уссурийск проедет тысяча военных преступников, среди них сотни бактериологов, недавних врагов Союза! Николая успокаивало то, что окна вагона надёжно закрыты, и что пленные не знают о приближении к городу.

Около семи часов утра японцы начали лениво вставать. Они неторопливо умывались, делали особую гимнастику, массировали друг другу поясницы и икры, завтракали...

Японец — начальник разведки — поднялся раньше всех и опять что-то писал, с поразительной быстротой заполняя листы толстой чёрной тетради. Врач-окулист осматривал большой глаз соседа. Саката, замораживавший китайцам руки и ноги, играл в шахматы и не спеша, со свистом тянул чай из кружки. Изобретатель супер-бациллы Госава долго расчёсывал свои густые, тронутые сединой волосы.

Вошёл капитан Шкуров, как всегда свежий, подтянутый и с безукоризненной выправкой. Он остановился около Николая. При виде русского офицера бактериолог неуклюже кивнул головой и отрывисто сказал:

— Охай-ё!

— Доброе утро, — перевёл худощавый японец, лежавший на второй полке.

— Доброе утро, охай-ё! — учтиво ответил капитан.

Госава медленно, как телескоп не шестерне, повернулся к Шкурову и, разогнав рукой табачный дым перед собой, сказал:

— Чотто о каэ!

— Садитесь, поджаруста, — перевёл тот же японец.

Начальник конвоя приподнял матрац и сел на край нижней полки.

— Скоро Уссурийск, — сказал полковник, открыто взглянув на капитана.

Николай удивился: откуда Госава знает чередование станций дороги? Но тут же он вспомнил, что, готовясь к войне с СССР, японцы дотошно изучали Приморье. Бактериолог начал говорить отрывисто, почти грубо, поглядывая то на начальника конвоя, то на Николая. Он сказал, что Госава много думал о своих нехороших делах; Госава вернётся в Японию и, в знак покаяния, пешком обойдёт самый большой остров; Госава станет бесплатно лечить бедных; Госава получил из дома письмо, где уже пятый год его ждут больные родители.

Самодельная сигара полковника потухла и, так же, как и в прошлый раз, Госава поместил окурок в алюминиевую пепельницу.

Шкурова заинтересовал желтый мундштук бактериолога, и он попросил его у Госава.

Полковник охотно протянул мундштук капитану. Это был дорогой янтарь, в тёмных смоляных натёках, с золотым ободком, усыпанный мелкими, как маковое семя, иероглифами. Его нагубник был стёрт с одной стороны. Мундштук чуть просвечивал, как просвечивает на солнце только что снесённое яйцо. Глядя на янтарь, Николай понял, что в этой полупрозрачной безделушке яда или бактерий не спрятать.

— Что означают эти иероглифы? — спросил капитан.

— На мундштук, это, — затрудняясь в подборе слов, заговорил японец-переводчик, —

написан стих. По-русски, это сказать трудно, но мысли такая...

Несмотря на сильный акцент переводчика, Николай понял, что если курить из мундштука Госава, то утром курящего будут приветствовать цветы вишни, днём — красные цветы огонь-дерева, а вечером — императорские хризантемы.

Шкуров вернул мундштук Госава, и бактериолог как большую драгоценность положил янтарь обратно в карман. Заметив в глазах солдата любопытство, полковник объяснил, что мундштук — подарок его престарелого отца.

Приближался Уссурийск. Капитан оставил разговорчивого бактериолога и, открыв своим ключом тамбур, вышел из вагона.

Не прошло и трех минут после ухода капитана, как у Николая произошла первая неприятность. Несмотря на строгий приказ не прикасаться к окнам, начальник японской разведки открыл фрамугу окна. Не говоря ни слова, Николай захлопнул узкую полоску стекла, решив не спускать теперь глаз с майора.

Поезд замедлил ход, по вагонам пошли плавные и мягкие толчки. Вскоре состав остановился у закрытого семафора. Николай уловил среди японцев едва заметное движение. Окулист придвинулся ближе к окну, начальник разведки бросил писать, пленные слезали с верхних полок. Николай чувствовал все возрастающее беспокойство. Из его головы не выходило открытое окно и то, что от Уссурийска поезд круто сворачивает на северо-запад и пойдёт прямо в Китай.

Он ещё раз обошёл все купе и неожиданно обнаружил вторую неприятную для себя вещь. Безразличные ко всему и, казалось, апатичные японцы, для которых он был всего лишь неодушевлённым посторонним предметом, оказывается, украдкой следят за каждым его шагом. Внезапный резкий гудок встречного поезда заставил Николая вздрогнуть и нечаянно оглянуться.

И тут он поймал на себе холодный, мерцающий, беспощадный взгляд маленького окулиста, который ещё секунду назад молился, застыв в благоговейном отрешении. По спине Фролова проползло что-то холодное и влажное, оставив после себя липкие, шевелящиеся мурашки. Николай решил проверить, все ли пленные исподтишка наблюдают за ним, и в следующем купе он круто, будто случайно, оглянулся и перехватил на себе ледяной изучающий взгляд пленного, который до этого безмятежно спал на второй полке. И снова неприятная волна обдала солдата с ног до головы.

...Николай не знал, что невидящие глаза пленных запоминают лица и предметы всех русских часовых, всех разводящих и офицеров, как запоминают они в пути все шоссе, мосты, составы, грузовики, вокзалы, виадук и военные эшелоны. Он не знал, что любой разведчик-японец каждый миг и каждую секунду откладывает в картотеке своей памяти всё новые и новые наблюдения и при первой же возможности передаст их старшему по шпионской работе. Но по ледяным, всепроникающим взглядам пленных Николай сейчас,

как никогда остро, понял всё значение своей опасной конвойной службы.

Слова начальника конвоя о возможной бактериодиверсии всё громче стучали в его голове. И Фролов был начеку, как были в этот час начеку многие десятки конвоиров обоих составов. Теперь здесь, у большого города, его острые глаза замечали всё: и условные знаки пленных, и неизвестно кем открытое окно, и подозрительное перешёптывание, и не вызванное необходимостью приближение к тамбуру, и выпавший из полотенца нож, и повышенное внимание к русским офицерам.

Позади Николая лягнул металл, и часовой, открывший дверь, вызвал Фролова а в тамбур:

— Смена, — тихо сказал он.

Николай вышел на платформу и чётко доложил разводящему:

— Товарищ сержант, рядовой Фролов пост сдал. За время службы непредвиденных событий не произошло.

Солдат перешёл в служебный вагон и стал на подножку. Отсюда он видел окно купе, в котором сидели окулист, Саката и Госава. Николай был возбуждён близостью Уссурийска, недавней слежкой за ним японцев и интуитивным ожиданием чего-то, что он не мог выразить словами.

Паровоз дал длинный гудок, зашипел паром и тронулся. Николай не отрывал глаз от окон вагона впереди. Скорость быстро нарастала. Только солдат поднялся на вторую ступеньку подножки, как из переднего окна вылетел какой-то предмет.

«Из купе Госава!» — молнией сверкнуло в голове Николая, и в тот же миг он спрыгнул. Держась ближе к рельсам, чтобы его не видели японцы, Фролов стрелой бросился к кусту полыни, подхватил выброшенный предмет и бросился догонять поезд. Он был хорошим бегуном, но лишь страшным напряжением мышц ему удалось догнать вагон и ухватиться за стремительно убегające поручни. Сердце его бешено колотилось, из глаз сыпались искры. Николай пробежал через служебный вагон, крепко сжимая в руке находку, и опять стоял на подножке.

Поезд уже шёл полным ходом по центру Усурийска мимо однообразных желто-серых железнодорожных зданий, заборов, складов и домов. Только сейчас Николай разжал руку и увидел в ней пахнущий никотином обгоревший окуроч тонкой сигары, которую так виртуозно скручивали быстрые пальцы Госава. «Рядом пепельница, а он открыл окно», — лихорадочно соображал Фролов, не спуская в то же время глаз с седьмого вагона. Поезд уже бешено мчался, и полотно дороги слилось в мелькающую вихрем бурую массу. Внезапно Николая осенила догадка: «Проба! — чуть не закричал он. — Проба!». Госава выбросил окуроч, чтобы узнать, не следят ли за его окном.

И в ту же секунду, будто в подтверждение его мыслей, из окна седьмого вагона пулей вылетел небольшой предмет. Вращаясь в воздухе, он стремительно пронёсся мимо, а следом за ним спрыгнул и Николай.

Внезапный порыв ветра зашумел в его ушах, сорвал фуражку и ударил в грудь, обдав

лицо и глаза жалящими крошками терпкой сажи. Чтобы ослабить падение, Николай побежал в сторону движения поезда, но сила инерции бросила его на насыпь. Он покатился по дресве, жесткой и острой, как зубья напильника, и с разгона ударился о штабель досок. В глазах солдата зазмеились огненные полосы, ноги ослабели; на короткий миг он лишился сознания. Но, страшным усилием воли переборов слабость, поднялся и, хромя, бросился к двухэтажному дому, около которого упал предмет, выброшенный из купе Госава. Каждый шаг отдавался тупой, нестерпимо ноющей болью. Левая рука висела, как плеть. Но Николай бежал и бежал, крепко стиснув зубы. Он подхватил на ходу свою фуражку и после многих сотен бесконечно тяжёлых шагов был у дождевой лужи, где упал предмет из купе Госава.

Поезд уже был далеко и казался тёмной полоской, наклеенной на горизонт.

Фролов стоял на одном колене и уцелевшей рукой шарил по горячей земле. Он перебрал прилипшие к земле листья одуванчика, потрогал плоские лежачие листья пырея, поднял пустую пачку «Беломора», и только сейчас его рука нащупала твёрдый предмет. Порывисто схватив его, Николай увидел желтый в иероглифах мундштук Госава.

— «Микробная бомба» — тут же сверкнуло в сознании Николая. — «С чумой Госава!» — и, сорвав с головы фуражку, он торопливо, насколько позволяла уцелевшая рука, завернул в неё мундштук, затем стащил с себя сапог, и, морщась от боли, затолкал в него смятую

фуражку Николай уже поднял руку, чтобы отбросить сапог подальше от пешеходной тропинки, как приглушённо щёлкнул малый взрыв. Мелькнули обрывки голенища и куски сукна, и что-то жгучее и прилипчивое, как расплавленный сургуч, обожгло лицо Николая. От удара и неожиданности он упал на спину, больно ударившись головой о землю. Женщина, шедшая по тропинке, бросилась было к нему на помощь, но Николай дико закричал!

— Прочь отсюда! Опасно! Зараза!

Женщина испуганно шарахнулась. Николай с трудом поднялся и, хромая на одну ногу, вприпрыжку побежал к Усурийску. Его лицо горело жгучим огнём, что-то липкое и горячее, как пропитанный кислотой пластырь, тысячами игл кололо нос, губы и подбородок.

Когда, задыхаясь от волнения, бега и боли, Николай ворвался к военному коменданту, тот находился один в кабинете, тщательно набивал портсигар папиросами.

— Товарищ капитан... — с трудом выговорил Николай, стараясь не касаться перегородки, за которой сидел офицер, — я с поезда... Везём японцев. Выброшена чумная бомба... Взорвалась южнее вокзала. Я заражён чумой. Ко мне не подходите... Нужна немедленная дезинфекция.

Офицер выронил портсигар и мгновенно вскочил на ноги. Одной рукой он включил рубильник тревоги на стене, другой стал набирать номер телефона, осторожно поглядывая на высокого и бледного как полотно солдата без головного убора, с лицом, залитым кровью.

Через полминуты в помещение стрелой вбежал ефрейтор.

— Чрезвычайный случай, — чеканно бросил ему дежурный. — К солдату не подходить! Пришлите Санина! Сбегайте за майором! Он в парикмахерской. Пригласите милиционеров! Затем — в санчасть!

Вскоре Николай, в наброшенной на плечи мокрой от сулемы шинели, тяжело хромая и опираясь на палку, вел за собой врача, санитаров, милиционера и двух солдат, следовавших за ним на почтительном расстоянии. Размахивая руками и не сгибая ног, позади шагал военный комендант с намыленными щеками.

Через три дня конвой вернулся в Хабаровск. Командир части собрал людей. Только сейчас товарищи Николая узнали, что рядовой Фролов во время сопровождения военных преступников совершил геройский поступок, что при этом он заразился смертельно опасной чумой.

— Фролов спас жизнь сотням, быть может, тысячам людей, — тихо сказал полковник, глядя мимо бойцов. — Однако жизнь его самого в опасности. При совершении подвига Фролов повредил ногу, сломал руку и несколько рёбер. Он ранен в лицо взрывом крохотной микробной янтарной гранаты. Глаза целы...

Приказом начальника внутренних войск МВД СССР рядовой Фролов Николай Васильевич за высокую бдительность и отвагу при конвоировании опасных военных преступников был награждён орденом Красной Звезды.

Владимир Викторович **ЧЕКУНАЕВ**
(1946–2005)

Майор медицинской службы, заместитель председателя – заведующий секцией бонистики Хабаровского городского общества нумизматов, коллекционер-бонист, инициатор проведения выставок бумажных денежных знаков и меднолитой старообрядческой пластики из экспонатов своей коллекции.

ДАДИМ МЕДЬЮ ПО БОРОДЕ

Владимир ЧЕКУНАЕВ

Будучи в командировке в Сибири, конкретнее... Нет, не скажу. У каждого коллекционера есть свои тайны. Но о хорошем приобретении мы непременно с кем-нибудь да делимся. В этом внутреннее противоречие нашего брата-коллекционера.

Сейчас очень хотелось бы написать, где я приобрёл находки, о которых пойдёт ниже речь, у кого я их выменял. Но нельзя: вдруг улыбнётся ещё туда съездить. А расскажешь — всё, считай можно не ездить. Поэтому назову этот городок — «глубинка». Сидим мы в этой глубинке за хлебосольным сибирским столом, попиваем не только чай.

— А нет ли у вас тут нумизматов? Тех, кто собирает старые монеты.

Оказалось, есть такой чудак «не от мира сего». Мол, он не только монеты собирает, но и всякое старое барахло. Я обрадовался: это для них он ненормальный, а для меня — находка.

Собирателя звали Фёдором. В его сарае стоял допотопный плуг, висели хомуты и упряжь, цепь и хлыст. В хате — прялки, баблужи, лапти. Всё это наверняка бы украсило любой краеведческий музей! Фёдор собирал «следы истории».

Первым моим приобретением у Фёдора был Бородовой знак времён царя Петра I. Невзрачный такой «медный пяточок». Однако важность он имел в петровские времена громадную. Это не монета, это жетон. На лицевой стороне герб российский — двуглавый орёл, держащий в лапах державу и скипетр. Ниже орла год выпуска — 1705, писанный славянской (буквенной) нумерацией. На оборотной стороне надпись в две строки «ДЕНГИ ВЗАТЫ». Конечно, сейчас написали бы «деньги взяты». В центре изображены нос, борода и усы. Справа от них надчеканка (в круглом клизме миниатюрный царский герб).

Легенда гласит, что Пётр I, побывав за границей, обратил внимание, что и сами монархи, и простолюдины не носили бороды, да и усов частенько тоже. Славяне имели в то время громадные усищи и бородищи. Кстати, по длине усов и особенно бороды определялось к какому сословию относится «сей муж».

Вернувшись из дальних странствий домой, Пётр I придворную свиту силой заставлял сбрасывать усы и бороды. Мужики всех сословий восприняли это как покушение на мужское достоинство. Назревало возмущение. Царю докладывали о недовольствах в самых

мрачных красках. Ведь многие купцы да бояре расценивали это, как хождение по улице без портков.

Возникла идея: коль кто желает сохранять «басурманские» традиции, пусть платит в казну деньги. Принимая плату за ношение усов и бороды, выдавали жетоны. А медным знак был ещё и потому, что на стыке XVII и XVIII веков шла подготовка к денежной реформе — монета из меди должна была заменить серебро. В памяти людей ещё оставался Медный бунт 1662 года, когда доверие к меди, как к платёжному средству, было сильно подорвано. И нужно было медь «реабилитировать».

Вроде пустячный «свидетель истории» — Бородовой знак, а как много можно узнать об одном только событии столь далёкого от нас времени.

ШАПКА МОНОМАХА, ИЛИ ЖЕНЩИНА, НАРИСОВАННАЯ НА ДЕНЬГАХ

Долгое время занимаясь коллекционированием старинных бумажных денежных знаков, я обнаружил, что в их оформлении изображение женщин условно можно разделить на три группы. Первая — изображение мифологических, освящённых или царствующих особ. Вторая — изображение красивых, изящных женщин, как правило, в национальном одеянии. Третья, я бы сказал, особая группа — это абунданция.

Не ищите перевода, во многих русских словарях это слово отсутствует. Немецкий «Словарь нумизмата» Х. Фенглера растолковывает, что абунданция (лат. — *Abundantia*) — древнеримская персонификация изобилия. Часто она изображалась на монетах римских императоров в виде стоящей женской фигуры с рогом изобилия в качестве атрибута. Иногда изображалась высыпающей содержимое рога изобилия в четверик (сосуд, чашу), что символизировало распространение благосостояния. Впоследствии абунданция была взята за основу многими государствами для художественного оформления монет и денежных знаков.

В дизайне дензнаков символ России появился, начиная с выпусков государственных кредитных билетов 1892, 1894 и 1895 годов, соответственно, в 25, 10 и 5 рублей. В те времена это были крайне высокие по покупа-

тельной способности, деньги, сейчас они довольно редкие в коллекциях экземпляры. На 25-рублёвом билете Женщина-Россия изображена в полный рост, гордо устремив взор вдаль, как бы осматривая необъятное своё царство. Голову венчает шапка Мономаха, в правой руке — скипетр, в левой — атрибуты императорской власти. Кроме того, правая рука опирается на внушительный державный щит с изображением российского герба, двуглавого орла. На 10-и 5-рублевых купюрах символ Женщины-России изображён сидящей на троне, опирающейся правой рукой на щит с гербом, в левой на 5 рублях — меч в ножнах, на 10 рублях — пальмовая ветвь. Во всех ипостасях этот символ свидетельствует о мощи государства, способного постоять за свои интересы, но без агрессивного воинствующего начала.

Традиция изображения персонифицированного образа России в общегосударственных денежных выпусках продолжалась до крушения империи в 1917 году.

Было бы неправильным закончить на этом повествование о величественном символе России, потому что абунданция и символ России появлялись в изображениях на дензнаках в 1918–1919 годах XX века, как минимум, ещё два раза.

В 1917 году Временное правительство А.Ф. Керенского заказало изготовление серии денежных знаков в Америке у именитой и очень уважаемой фирмы по изготовлению ценных бумаг «Американ банкнот компани».

Под натиском новой революционной волны правительство А.Ф. Керенского пало, началась Гражданская война. В 1918 году в Омске адмирал А.В. Колчак сформировал Временное российское правительство, которому и перешёл заказ на эти деньги. Волею судеб и до этого правительства готовые деньги не дошли. В 1920 году омское правительство Колчака пало, последний был расстрелян. А оплаченная работа — деньги (только 25-и 100-рублёвые купюры) были доставлены морем во Владивосток, откуда «разлетелись» по всем восточным окраинам России в качестве денежных знаков различных правительств, которые, меняя друг друга, меняли и деньги. На обеих купюрах (25 и 100 рублей) присутствует абунданция, а не символ России.

Пожалуй, последний раз символ России в образе женщины появляется на крупных, хотя и сильно инфлированных купюрах 1000-и 5000-рублёвого достоинства при Сибирском Временном правительстве (правительстве Российской Восточной окраины) атамана Г.М. Семёнова. Интересно, что на этих денежных знаках в руках женщины — обнажённый меч — шла Гражданская война...

Символ Матери-России должен бы вернуться в атрибутику государства. Наши деньги часто называют «деревянными» по различным причинам многоплановой разрухи в стране. Может, поэтому символ России всё ещё не возвращается к нам и на наши деньги?! Я, как многие россияне, мечтаю и надеюсь на его возвращение.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ, ИМЕВШИЕ ХОЖДЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ в 1917–1924 годах*

Из особенностей денежного обращения на Дальнем Востоке во временном периоде с Февральской и Октябрьской революций 1917 года до стабилизации денежного обращения в СССР в 1924 году следует выделить главные моменты:

1. *Разрушение денежного обращения императорской России после революций 1917 года.*

Молодая советская республика не смогла, да и не могла сразу после октября 1917 года наладить собственное денежное обращение. Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), впоследствии (с 6 июля 1919 года) — ГОЗНАК, прошла череду сложных этапов: эвакуация, реорганизация, а также Гражданскую войну и иностранную интервенцию. Достаточно сказать, что наряду с несколькими централизованными выпусками России в первые годы советской власти продолжали обращаться бумажные денежные знаки:

— царской России 1898–1912 годов: 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 500 рублей;

— разменные билеты 1915 года: 1, 2, 3, 50 копеек, марки-деньги образца почтовой марки: 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеек;

— казначейские знаки: 20, 40 рублей;
— государственные кредитные билеты Временного правительства: 250 и 1000 рублей;
— марки-деньги 1917 года Временного правительства;

— 5-процентные облигации Займа Свободы и различные другие денежные суррогаты в виде билетов Государственного казначейства и купонов множественных займов, рент, облигаций (всего около 200 разновидностей).

Вся эта денежная чехарда, сопровождающаяся неутраченной инфляцией, а во многих случаях — полным отсутствием возможности доставки денег из центра на окраины страны, вела к неимоверным трудностям в товарно-денежном обращении. Сказанное не значит, что молодая советская республика не имела своих денежных эмиссий. Однако выпуски 1918–1922 годов не решали проблем денежного обращения. Для иллюстрации нестабильности денежного обращения в России первых годов советской власти в таблице (с. 20) приведены сравнительные данные по выпускам (эмиссиям) разных денежных знаков в России и в СССР.

2. *Возникновение децентрализованного денежного обращения (применительно к восточной окраине России).*

Предпосылками возникновения децентрализованного денежного обращения на восточной окраине России были: разорванность связей с центром и деятельность различных

* *Статья впервые была опубликована в «Вестнике банка России», (Москва). № 6, 10 февр. 2010 г. С. 39–45. Статья была иллюстрирована изображениями описываемых денежных знаков, переданных В.В. Чекунаевым в 1998 году Музейно-экспозиционному фонду Главного управления Банка России по Хабаровскому краю.*

органов власти — правительств адмирала А. Колчака и атамана Г. Семёнова, новых органов власти на Дальнем Востоке (Дальневосточная республика, Временная земская власть Прибайкалья, Временное правительство Дальнего Востока и другие). Все они выпускали свои денежные знаки.

В свою очередь, Хабаровское отделение Государственного банка имело отношение к выпуску в обращение в период с 1918 по 1923 год следующих денежных знаков, имевших хождение на Дальнем Востоке вплоть до 1925 года: гербовые марки, акцептованные чеки, облигации Займа Свободы, боны Дальсовнаркома и другие. Рассмотрим некоторые из них.

Гербовые марки Хабаровского отделения Государственного банка

«Оторванность района от центров, питавших денежными подкреплениями, вынудила в 1918 году руководителей местных финансов допустить местное своеобразие, не согласованное с мероприятиями центра» [1, с. 175]. Для этой цели были использованы хранившиеся в Государственном банке российские (царские) гербовые марки. Для укрепления основы на оборотную сторону марок наклеивали белую толстую бумагу и штемпелевали в три строки красным или фиолетовым цветом:

Хабаровск. Отд.
Государственного
БАНКА

Известны номиналы марок в 50 копеек; 75 копеек; 1 рубль; 1 рубль 25 копеек; 2 рубля; 3 рубля и 5 рублей. В книге А.И. Погребецкого кроме перечисленных значатся выпущенными номиналы 5; 10; 15; 20 копеек; 1 рубль 50 копеек; 2 рубля 50 копеек. Однако в каталогах

Ф. Чучина [6, 7], Н. Кардакова [5], П. Рябченко [3] эти номиналы не указываются.

Официальным документом, закрепляющим эту эмиссию, является Распоряжение Финансового комиссариата Дальневосточного краевого комитета советов и самоуправлений (далее — Финансовый комиссариат) «Об акцептованных чеках и гербовых марках» от 15.02.1918 № 9.

Марок различных номиналов было выпущено на общую сумму 1 246 250 рублей. Кроме того, гербовые марки указанных достоинств выпускались с надпечаткой на оборотной стороне «Хабаровское казначейство».

Акцептованные чеки Хабаровского отделения Государственного банка

Помимо гербовых марок вышеуказанным распоряжением № 9 Финансовый комиссариат предложил всем в обязательном порядке выпустить в обращение акцептованные Хабаровским отделением Государственного банка чеки 18 местных (хабаровских) учреждений, как указывалось в распоряжении, «обеспеченные полностью текущими счетами». Главной целью выпуска было смягчение разменного кризиса.

Чеки были выпущены номиналами 5, 10, 15, 20, 25, 40, 50, 55, 60, 70, 75, 80 и 100 рублей, имелись отдельные чеки на 125, 140, 200 и 250 рублей. Уникальными являются чеки номиналом 384 рубля 40 копеек и 3000 рублей.

Чеки отличались разнообразием оформления. Выполнены они были на специальной бумаге с водяными знаками, в середине имелась надпись «Госуд. банк».

Акцептовались чеки следующих 18 учреждений:

- ◇ Управления по постройке Восточно-Амурской железной дороги;
- ◇ Управления контроля по постройке Восточно-Амурской железной дороги;
- ◇ Амурской контрольной палаты;
- ◇ Амурского общества пароходства и торговли;
- ◇ Хабаровского окружного арсенала;
- ◇ Хабаровского уездного земского управления;
- ◇ Хабаровского городского общественного управления;
- ◇ Окружного интендантского управления;
- ◇ Амурской речной флотилии;
- ◇ Хабаровской почтово-телеграфной конторы;
- ◇ Окружного артиллерийского управления;
- ◇ Хабаровского местного лазарета;
- ◇ Первой хабаровской женской гимназии;
- ◇ Хабаровской гимназии военного ведомства;
- ◇ Хабаровского реального училища;
- ◇ Управления приамурского почтово-телеграфного ведомства;
- ◇ Лагеря военнопленных Хабаровского гарнизона;
- ◇ Товарищества Сергиевского винокуренного завода.

Мною выявлен чек организации, не числящийся в этом списке: чек с круглой печатью «1-й Хабаровский Полк Рабоче-Крестьян. Красн. Армии».

На всех чеках на обороте в рамке красным штемпелем выполнен акцепт со следующей надписью (приводится в современной орфографии): *«Чек имеет хождение наряду с другими денежными знаками. Сумма обеспечена текущим счетом».*

Управляющий_ Контролер_ Бухгалтер_

Далее, как правило, следовали:

Комиссар_

Печать Хабаровского отделения Государственного банка

По данным Ф. Чучина [6], было выпущено чеков на 5 401 300 рублей, изъято — на 5 387 000 рублей. Чеки на сумму 24 300 рублей в банк не вернулись.

Облигации Займа Свободы и купоны к ним, как суррогаты денежных знаков

Несмотря на проведённые ранее выпуски денежных знаков, разменных денег в крае не хватало. Распоряжением финансового комиссара Дальневосточного краевого комитета советов и самоуправления от 15.02.1918 г. № 10 [4, с. 74] в денежное обращение вводились ценные бумаги царской России.

Это были процентные бумаги — в основном облигации Займа Свободы (ОЗС) и купоны к ним. С этой целью ОЗС в 40, 50 и 100 рублей штемпелевались двумя круглыми печатями Хабаровского отделения Государственного банка (гербовой и обычной) и скреплялись подписями ответственных лиц банка. Согласно приведённому распоряжению, купоны имели хождение по их нарицательной стоимости наравне со всеми денежными знаками.

Заштемпелеванные гербовой печатью Государственного банка или казначейства, ОЗС имели хождение по курсовой цене 85 рублей за 100 рублей без начисления процентов.

В коллекции есть интересный денежный суррогат — 1000-рублевое 5-процентное краткосрочное обязательство Колчака, на котором имеются печать и перфорация Хабаровского отделения Государственного банка.

Боны Дальсовнаркома

Денежный кризис привёл к ещё одному выпуску бумажных денег в городе Хабаровске.

Постановлением Дальсовнаркома от 25 июля 1918 года был санкционирован выпуск в обращение «временных краевых денег (бон)» [4, с. 274]. Параметры выпуска в постановлении не указывались, так как все организационные и технические стороны вопроса были возложены на особую комиссию из представителей Дальневосточного совета народных комиссаров (ДСНК). Были выпущены боны трёх номиналов: 10, 25 и 50 рублей. На лицевой стороне всех бон этого выпуска в центре расположен рисунок земного шара. С двух сторон от земного шара — лента с надписью «Дальний Восток». По углам — номинал, внизу — подписи председателя Дальсовнаркома Краснощёкова, комиссара финансов Калмановича и управляющего Хабаровским отделением Государственного банка Фугалевиича. В народе эти боны окрестили «краснощёковками».

О Фугалевииче в своей книге «Дело о полутора миллионах» дальневосточный писатель Н.Д. Наволочкин написал: «...Он благополучно уживался при разных правительствах. Его подпись можно встретить на документах, относящихся к периоду Омского правительства и позднее — во время правления А. Колчака». [2, с. 13]

На оборотной стороне «краснощёковок» изображены рабочий с кузнечным молотом на фоне завода с дымящимися трубами и крестьянин с косой на фоне деревни и возделанных полей. Кстати, второе народное название этих бон — «косари». Среди всего многообразия денежных знаков того времени боны ДСНК, пожалуй, — единственные бумажные денежные знаки, на которых изображены рабочий и крестьянин одновременно. Автором рисунка был художник Е.И. Камзолкин (именно он при

оформлении к первомайской демонстрации Серпуховской площади в Москве впервые изобразил скрещенные серп и молот как символ единства рабочих и крестьян). На «краснощёковках» внизу в картуше указан номинал бон, а по сторонам от него помещены изображения рыболовецкого судна и паровоза — символов прогресса начала XX века. Ниже указывался год выпуска — 1918.

Хотя районом обращения данных дензнаков был объявлен весь советский Дальневосточный край, реальное их хождение было ограничено Хабаровском и прилегающими к нему территориями. Благовещенск и Сахалинская область выпустили свои дензнаки [1, с. 178].

Следует отметить, что на местах с целью усиления контроля за обращаемостью бон часто применяли регистрационные штемпеля (надпечатки), служившие также дополнительной защитой от подделок.

Известны штемпеля регистрации Хабаровского отделения Государственного банка, Бикинского станичного правления, Иманского казначейства, Киинской, Вяземской и Дормидонтовской волостных земских управ. Пожалуй, единственным «выбросом» этих бон вне Хабаровского края можно считать их регистрацию в Николаевском-на-Амуре районе. Однако сколько-нибудь значительного распространения они там не получили [1, с. 178].

К 1920 году массовая неуправляемая эмиссия суррогатов пошла на убыль.

Денежные эмиссии правительства Дальневосточной республики (Верхнеудинск, Чита)

Летом 1920 года Иркутская экспедиция (Иркутская фабрика изготовления государственных бумаг) по заданию правительства Даль-

Сравнительные данные

по выпускам (эмиссиям) разновидностей денежных знаков* в России и СССР

	Всего	В среднем за 1 год
Императорская Россия 1769—1917 гг. (148 лет)	1344 (630 + 714)**	9 (4 + 5)
Советская власть по всем территориям бывшей империи 1917—1990 гг. (73 года)***	15 056 (356 + 14 700)****	206 (5 + 201)
Советская власть только на территории РСФСР 1917—1924 гг. (7 лет)	6543	935
Территория Дальневосточной Республики***** 1917—1924 гг. (7 лет)	1043	149
В том числе:		
— хабаровские выпуски, включая городские и частные 1917—1924 гг. (7 лет)	180	26
— только выпуски Хабаровского казначейства и Хабаровского отделения Государственного банка 1918 г. (1 год)	116	116

Примечания к таблице:

- * Общее количество по разным источникам колеблется. В таблице приведены усреднённые данные по каталогам Ф. Чучина, В. Соколова, Н. Кардакова, П. Рябченко (1991 г.).
- ** 630 — общегосударственные выпуски, 714 — колониальные.
- *** С 1947 по 1961 г. в СССР было 7 разновидностей дензнаков. С 1961 по 1991 г. использовались также 7 разновидностей.
- **** 356 — общегосударственные выпуски, 14 700 — остальные, в том числе: 1317 — межрегиональные, 13 296 — местные, 87 — оккупационные.
- ***** Не внесены ходившие на Дальнем Востоке обязательства Сибири и А.В. Колчака, Временной земской власти Прибайкалья, Сибирского революционного комитета, правительства Центросибири, атамана Г.М. Семёнова (всего 126 разновидностей).

невосточной республики (ДВР) изготовила кредитные билеты ДВР мелкого достоинства: 1, 3, 5 и 10 рублей. Бумага была взята простая, но хорошего качества. На билетах был изображён герб ДВР: сноп колосьев на фоне пекрекрешивающихся кирки и якоря. По мере изготовления билеты выпускались в обращение в Верхнеудинске (Улан-Удэ) [1, с. 284]. Позже в Иркутске были отпечатаны билеты номиналом 500 и 1000 рублей.

Интересно, что среди этих кредитных билетов встречаются два номинала (25 и 50 руб.), на которых напечатано, что это расчётные знаки ДВР. При этом и рисунок, и печать, и бумага не того качества, что в предыдущем выпуске, на самом деле это — плод самостоятельного творчества властей Амурской области.

Другие выпуски, не относящиеся к Хабаровскому отделению Государственного банка и ДВР, имевшие хождение в Хабаровске и Хабаровском крае

Собственные ведомственные и частные боны выпускали около 15 организаций Хабаровска, в их числе были:

- временные квитанции Министерства снабжения и продовольствия;
- авансовые карточки Амурского областного кредитного союза;
- краткосрочные и 5-процентные краткосрочные обязательства А. Колчака;
- сибирские кредитные билеты, которые выпускали власти до адмирала А. Колчака.

3. Победа в РСФСР и СССР централизованного денежного обращения

Возврат к централизованному денежному обращению осуществлялся постепенно.

В 1921–1923 годах произошла череда деноминаций. С 1921 по 1928 год выпускались серебряные монеты (билонные) номиналом 10, 15, 20 копеек и чисто серебряные номиналом 50 копеек (полтинники), а также серебряные монеты номиналом 1 рубль.

В 1924 году советский рубль окончательно окреп, и был выпущен государственный казначейский билет, на котором значилось, что он принимается во все платежи по золотой нарицательной стоимости.

Хабаровское отделение Государственного банка принимало, естественно, самое прямое участие в замене всех выпусков денежных знаков, утративших свое значение, на новые российские и советские денежные знаки.

Источники:

1. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин, 1924.
2. Наволочкин Н.Д. Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1969, 1982.
3. Рябченко П.Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России и СССР (1769–1990). Киев, 1991, 1995.
4. Дальсовнарком, 1917–1918 гг.: Сборник документов и материалов (Хабаровский государственный архив).
5. Кардаков Н.И. Каталог русских денежных знаков... 1769–1950 гг. Берлин, 1953.
6. Чучин Ф.Г. Каталог бон и дензнаков. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской Империи за время с 1769 по 1924 гг. Москва, 1924.
7. Чучин Ф.Г. Каталог бон и дензнаков России, РСФСР и СССР, окраин и образований (1769–1927). Москва, 1927.
8. Михаэлис А.Э., Харламов Л.А. Бумажные денежные знаки России. Пермь: ГОЗНАК, 1993.

Леонид Иванович **КОЛОСОВ**
(1935–2005)

Инженер-кораблестроитель,
коллекционер-исследователь,
консультант хабаровских
музеев и архивов по вопросам
бонистики, бирофилии
и лотологистики, заядлый
грибник, сожалевший
о том, что в своё время
не стал учёным-микологом.

ВЕЧЕР В ОКЕАНЕ

Леонид КОЛОСОВ

Однажды, возвращаясь вечернею порой домой, я увидел на восточном небосклоне оранжево-красную Луну. Её диковинный, совершенно круглый лик покрывали лёгкие тени. Такой вид вечного спутника Земли всколыхнул воспоминания о далёком времени, когда суровые океанские воды подвергали испытаниям мой ещё юный характер.

В сентябре 1959 года китобоец «Вьюга» бороздил океан в поисках морских исполинов. На его счету уже числилось более сотни этих великанов, безжалостно загарпуненных людьми. Но однажды охотникам не повезло: при выстреле по одинокому бродяге-кашалоту от палубы оторвался фундамент гарпунной пушки. В этой неожиданной ситуации гарпунёр чудом спасся от падения за борт, зацепившись бушлатом за крюк багра. Авария вынудила китобоец вернуться на базу, расположенную на острове Парамушир Курильской гряды. Ремонт длился недолго, и уже вечером следующего дня китобоец снова уходил в океан. Моряки с сожалением расставались с гостеприимным берегом.

Вечер был великолепен. Никогда ещё мне не приходилось видеть такой величественный приход ночи. Правда, я уже ощущал нечто похожее, когда жил на берегах суровой реки. Тогда таинственно-безмятежное северное сияние внесло в мою душу подобный трепетный восторг. По силе восприятия впечатления были схожи, однако, этот вечер был не похож на все, что доводилось мне видеть.

Всепоглощающая тишина царила над океаном. Не свистел надрывно ветер в снастях, не горбились беспорядочно волны за бортом, только журчание обтекающих корпус струй усиливало ощущение тишины, да приглушённый выхлоп газов из дымовой трубы монотонно сопровождал наше движение.

Огромная ярко-пятнистая Луна нависла над бесконечным простором. Её призрачное сияние заполнило пространство невидимой, но ощущаемой, пеленой тумана. След лунного отражения, сначала широкий, затем суживающийся, уходил в призрачную даль океана, зыбко переливаясь на клиньях волн, поднятых китобойцем. За кормой, где пенился

светящийся след, оставался Парамушир. Его вулканы с заснеженными усечёнными вершинами серебрились, ещё виднелись на фоне неба. Нет, небо не было чёрным, оно тоже исходило чуть видимое сияние. Таинственный космос мерцанием невообразимо далёких от нас миров всматривался в нашу крохотную живую планету. Старик-океан чутко дремал, вот-вот готовый пробудить свои первобытно-титанические силы и бросить их на всё, что посмеет ему противиться. Его дыхание пока не тревожило людей.

Парамушир, прощаясь, мигал своим маяком, и непонятной грустью веяло от этих сигналов. Морской охотник всё дальше уходил в просторы океана...

Лунный диск — глаз Люцифера — стал изредка прятаться за лёгкими облаками, становясь причудливым в ореоле холодного сияния, превращаясь в громоздких фантастических существ. Пепельно-серых облаков становилось все больше. Наконец, они сплотились в тяжёлые тучи. Луна и звёзды исчезли из вида. Тьма окружила китобойцев. Океан помрачнел, сурово насупив поседевшие брови волн. Он не хотел или не мог долго хранить спокойствие. Огни маяка сквозь плотную мглу все ещё настигали корабль. Они словно шептали: «Будьте мужественными, охотники морей. Счастливого вам плавания...»

Но вскоре и эти милосердные сигналы пропали за невидимым горизонтом, и маленький корабль остался один на один с неотвратимо надвигающимся штормом.

СКАЗКА ГНОМА

Розовый пепел заката
Исчезает за краем небес,
Нарастает рокот набата
Над страну лесных чудес.

Не тронет лёгкий ветерок
Берёз серебряные косы.
В ночном тумане лес промок.
Земной покров согнули росы.

И лишь цикады на лугах
Всё нескончаемо звенят,
Да воздух мёдом там пропах
И травы свежестью манят...

Издали пронёсся гул,
Он с топких марей за горой,
Деревьев кроны он пригнул,
И мрак сгустился за рекой.

Кикимор зов — зловеющий дух,
Влечёт к себе заблудших,
Так говорит молва иль слух:
К себе заманивают души...

Но, забываясь кратким сном,
Не ощущая запах тлена.
Мне сказку шепчет добрый Гном,
Укрыв от злого плена.

РЫБНЫЙ ФИЛИН

Тлеющий пепел заката упал за кромку горизонта, когда я соскочил с подножки вагона поезда притормозившего у переезда. В сумраке подошёл к домику дежурного. На крыльце сидел мой знакомый Николай. Он поглаживал красивую овчарку, приговаривая:

— Найда, свои, — сказал он поднимаясь. — Давненько не виделась.

— Да вот, всё как-то никак не получалось. — Ответил я и крепко пожал протянутую руку.

— Немного запоздал, грибы уже с неделю как пошли, — сообщил Николай. — Сельский люд всю торговлю ими вдоль трассы. Много белых в этом году.

— А куда, в основном, ходит народ?

— Да всюду: по дубравам и берёзово-осиновым рёлкам.

Сгустилась темнота. На чистом небе ярко засверкали алмазы звёзд. В домике скудно светила лампочка. Жужжали комарики.

— Где ночевать надумал? — спросил Николай.

— Если пустишь, могу и тут. На сеновал идти далековато...

Заночевали в домике дежурного. Спалось не ахти, будили, раскачивая стены, пронесившиеся грузовые поезда. Николаю-то что: встречай да провожай поезда. Найда — та и ухом не вела, спала, свернувшись клубком.

С грехом пополам, миновала полудрёмная ночь. С первым лучом рассвета поднялся с жёсткого ложа и отправился в путь. Решил

идти за речку. Николай махнул в догонку рукой: «Ни пуха»... Найда коротко подала голос.

Через полчаса, перейдя по мосту через речку, подступил к первым рёлкам. Над дальней марью стелился туман. Восточный небосклон разгорался розовато-золотистой палитрой: вот-вот взойдёт всемогущее Светило.

В росистой траве ноги промокли выше колен. В первой дубраве ещё царил полумрак и тишина. Лишь одинокая птица монотонно подавала голос.

Видно было, что сюда ещё не добирался грибник. Не задерживаясь, зашагал в глубину прибрежного леса, петляя среди речных меандр. По опыту знал их коварство: не так-то просто бывает из такого лабиринта выбраться — впечатляюще закруживают...

Грибов было очень мало и я, благополучно выбравшись из петель меандр, неторопливо двинулся по тропе вверх вдоль речки. А куда спешить: пока в лесу я один. Бродил довольно долго, но и в прибрежных дубравах и березняках отыскалось совсем немного грибов. Чертыхнувшись, повернул назад, намереваясь навестить дальние островки рёлок.

Проходя очередную дубравку, вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд на затылке. Под кепкой шевельнулись волосы... Остановился, обернулся, поднял глаза и прямо перед собой, метрах в пяти, увидел чудовищно огромную, как мне тогда показалось, птицу.

«Совы такими не бывают!...» — лихорадочно пронеслось в мыслях.

Птица сидела между двух ветвей раскидистого дуба. Её круглые желтые глаза сурово и в упор смотрели на меня. Затем один из них, медленно закрывшись, как бы подмигнул мне. Я успел разглядеть её: на голове ушки; грудь и живот покрыты серовато-жёлтым оперением с вертикальными коричневыми рябинками; крылья в тёмно-коричневых перьях — тоже рябые.

Видя, что человек не уходит, птица взъерошилась, не совсем ловко повернулась, взмахнула огромными крыльями и, низко стелясь над травой, направилась в сторону близкого берега. Затем она взмыла вверх, перемахнула речку и прибрежный вербняк, и исчезла из виду.

«Что за птица такая! — с замешательством подумал я. — Впервые вижу!»

Приглядевшись к противоположному берегу, где скрылась птица, заметил, что над вербняком просматриваются кроны несколько отдалённого от берега дубняка.

«Гм?! Что-то раньше я его не замечал...»

Почти не раздумывая, прямо в одежде, погружаясь по грудь в воду перешёл речку, пробился сквозь переплетение тугих ветвей верб, вышел, наконец, к рёлке. И был изумлён картиной, которая предстала перед моим взором: множество грибов, молодых и старых, усеяли светлую дубраву, в которой — то здесь, то там — расселились берёзы.

— Спасибо тебе, неизвестная птица! — громко произнёс я, оглядывая вершины деревьев. — Ты меня здорово выручила.

Вскоре мой короб заполнился отборными грибами — белыми и красавцами осиновиками. По полянам рассыпались многочисленные семейки молодых мухоморов. Боже мой! Как они украшают лес! К тому же, надо бы знать это, мухомор — целебный гриб.

Из головы никак не выходила встреченная птица. Припомнилось, что, вроде бы, я где-то читал о них: редкий вид филинов, обитающих в прибрежных лесах края... «Ба! Так это же рыбный филин!» Наконец, вспомнил я.

Вернулся на свою тропу, пришлось снова перейти речку вброд, я, изрядно нагруженный, двинулся в обратный путь.

Был полдень, солнце безмятежно воцарилось на вершине своего дневного хода и оттуда щедро одаривало теплом. Перейдя мост, решил передохнуть и подсушиться. Искупался в речке. Двое молодых пареньков, видно из сельских, осмотрели мой сбор и одобрительно покивали головами. Но я им не показал дорогу к «сокровищам» птицы...

К переезду подошёл незадолго до прихода поезда. У Николая ещё продолжалось дежурство. Возле него крутилась Найда.

Николай, осмотрев грибы, похвалил меня за хватку, отметив, что даже сельчане по столько не собирают. Заговорили и о большой птице. Собеседник честно признался:

— Ни разу такую птицу не видел. А я ведь тут и днём и ночью обитаю. Да и сам по рёлкам сколько ходил!

Николай, повернувшись к собаке, сказал:

— Найда, принеси воды.

Я подумал, что он шутит, но овчарка взяла в зубы дужку котелка и направилась к озерцу. Вскоре она вернулась, неся воду в котелке!..

— Ты посмотри! Какая умная собака! — удивленно воскликнул я.

— Она и считать умеет, — гордо сказал Николай и показал Найде один палец.

Найда внимательно посмотрела на руку, недолго помолчала и пролаяла один раз.

— А сейчас сколько? — Хозяин показал три пальца.

Найда, склонив голову набок, подумала и пролаяла три раза.

Правильно она ответила и тогда, когда Николай показывал два, и четыре пальца...

Я с нескрываемым удивлением спросил у Николая, как он сумел её этому обучить?

— Найда очень умная собака. Она сама все это умела делать, её просто ни кто не спрашивал или не просил что-нибудь сделать. — То ли в шутку, то ли всерьёз ответил Николай.

Разговор не удалось продолжить. Прибыл поезд, и я спешно забрался в тамбур вагона. Поезд тронулся. Я выглянул из тамбура, помахал рукой оставшимся у домика.

Николай взмахнул жёлтым флажком, а Найда вильнула пушистым хвостом.

Вернувшись домой, я, после короткого отдыха, взялся искать книгу про рыбного филина. Нашёл статью с фотографией — очень похожа на увиденную мною птицу.

— Да, это он — краснокнижный рыбный филин из Красной книги.

Живёт такая редкая птица вдоль чистых таёжных речек, питается чебаками, ленками, гольянами, щуками и другой речной живностью, не брезгуя и земноводными. В общем, настоящий хищник.

Спустя год я вновь посетил те места. Редкую птицу больше не удалось увидеть, как, впрочем, не удалось встретиться с Найдой. Николай, не скрывая появившиеся на глазах слёзы, с горечью рассказал, что его любимицу, такую умницу, убили и съели недобрые люди... Тут и мои глаза запарошило.

ГРИБАЛКА

То лето отличилось всякими погодными неожиданностями: ливни, суховеи и изумрудно-голубая благодать странной чередой сменяли друг друга, а в августе реки вдруг раздулись на всю ширину поймы. Под водой оказались луга, речные острова, дачные участки. По буйным водам поплыли стога, подмытые деревья, деревянные части строений: то ли дачных домиков, то ли сараев, то ли настилов мостов. На лодках стало возможным попадать в такие места, куда прежде пешим ходом нужно было потратить уйму времени. Но перемещаться по обширным просторам и на моторках стало совсем небезопасно. Однако, мы с другом рискнули. Отправились в путешествие — уж очень хотелось попасть в некое заветное местечко.

Преодолев широченный Амур, кормчий едва определил устье одного из его притоков. Да и устья, как такового, не проглядывалось. Просто он примерно знал, куда плыть по этой жутковатой безбрежности.

Часа полтора моторка ходко поднималась вверх, если это можно было назвать «верхом», так как вблизи и «бока» едва просматривались. Лишь где-то вдали по курсу виднелись зазубрины леса, а ещё дальше в дымке синели сопки. Наконец, берега сблизилась настолько, что можно было хоть как-то определить русло реки.

Где-то тут должно быть наше заветное местечко. Увы, найти так и не удалось — всё из-

менилось до неузнаваемости. Над водой во многих местах виднелись верхушки кустов и возвышались кроны деревьев. Образовались новые протоки, заливы, узкие бухточки, по которым можно было приблизиться к лесу. В одну из них мы и свернули, чтобы на берегу осмотреться и решить, что делать дальше.

Первым на травянистое мелководье соскочил я, подтянул лодку к берегу и привязал к стволу молодой берёзки. Видно было, что вода совсем недавно подступила к этому лесу: на берегу отсутствовали наносы, да и «земная» трава-то, оказавшаяся в воде, ещё не покрылась илом.

Немного осмотревшись, мы заглянули в лесок. И сразу же встретились с грибами. Но! Какая жалость — все они оказались старыми, пригодными лишь к посеву. А какие бы они были, загляни мы сюда неделей раньше!..

Ничего путного не найдя среди берёз и дубов, мы вернулись к стоянке. Собрались отчаливать, а тут!

— Глянь! Что это там колыхается на воде? Да вот, рядом с лодкой? Неужели гриб!

Я с недоверием подошёл к плавающему предмету и подхватил его в ладонь. Это был великолепный подосиновик, но загадка — как он здесь оказался?

Ещё раз внимательно огляделся и тут понял, что мы, по сути, находимся на поляне, ушедшей под воду, а гриб, наверное, сшибли ногой, когда сходили на берег. Он и всплыл.

Мой напарник сообразил чуть раньше меня, вошёл в воду согнулся, стал сосредоточенно глядеть себе под ноги. Затем, что-то обнаружив, сунул по локоть руку в воду и... Ещё один гриб.

Вода в этом месте была довольно чистой, сквозь неё свободно просматривалась трава, плавно покачивающаяся в медленном потоке. Вокруг росли осины и берёзы. Компли некоторых уже подмывало течением.

Вскоре и я увидел несколько грибов. Их светло-коричневые шляпки призывно глядели с зелёного дна. Я тут же их вырубил.

Странное дело: в лесу на высоких местах, ещё не залитых водой, попадались ветхие грибы, а здесь, как на подбор, шёл один молодняк! Часа два мы увлеклись этим не совсем обычным сбором. Не поверите! Но набралось грибов несколько вёдер. Часть грибов мы разложили на берегу, а часть прямо в лодке — на просушку.

Заметив, что наступление паводка на лес продолжается и опушка на глазах всё глубже уходит под воду, мы прекратили нашу «грибалку». Да и Светило уже близко склонилось к горизонту.

— Сколько живу, столько и удивляюсь, — заметил мой напарник, ловко управляя рульмотором. — В такой грибной охоте участвую впервые. Придётся ли когда-нибудь ещё?

Соглашаясь с ним, я кивал ему в ответ, а про себя подумал: «Вряд ли, по крайней мере, мне».

ВРАЩАЕТСЯ ПЛАНЕТА

У-ух!

Вращается Планета,
Вращается Галактика,
Вращается Вселенная,
Вращаюсь с ними я.

Да

никто не замечает,
Никто не ощущает,
Этого верчения —
Вечного кружения.

Но!

Печаль над миром зреет
От возрастного бремени.
Ведь время не стареет —
Старею я во времени.

Ко

мне мой миг последний
Скользнёт с орбит вращения,
Сверкнёт лучом весенним...
И вижу я, в смятении,

Как

вертится Вселенная,
Вращается Галактика,
И кружится Планета
В пространстве без меня.

- © Пермяков Г.Г. Наследники, 2015
© Чекунаев В.В. Наследники, 2015
© Колосов Л.И. Наследники, 2015
© Буря В.П. Автор идеи и составитель, 2015
© Кирпиченко Т.В. Вступительная статья, библиографические списки, 2015
© Издательский дом «Частная коллекция», 2015

*Воспроизведение иллюстраций
и перепечатка текстов из этого издания
только с разрешения авторов или их правопреемников.*

